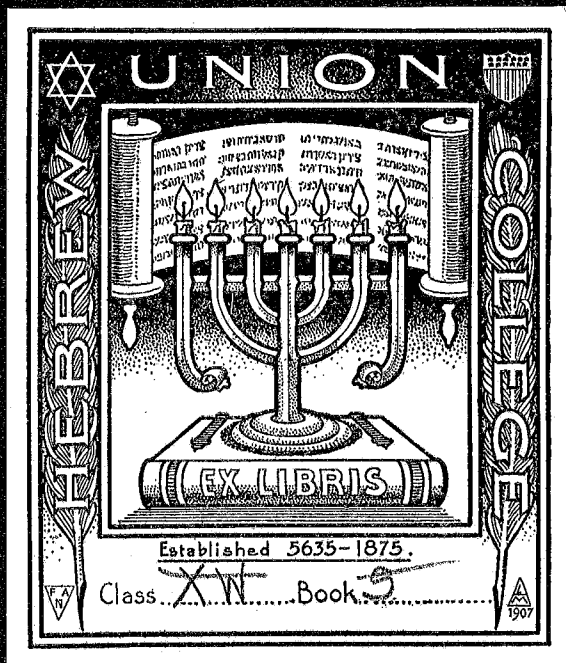

0.20

Д. Ш-гъ.

ТРАГЕДІЯ
Шестимилліоннаго народа.

Изданіе третье.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ш. Вуссея, Мятнииская наб., 9.
1908.

Л. Ш-гъ.

Lev Makovlevich Schlenberg

ТРАГЕДІЯ
Шестимилліоннаго народа.

Издание третье.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ш. Буссея, Мытнинская наб., 9.
1908.

XW I
556

81898

Трагедія шестимилліоннаго народа.

Органы пресмыкающагося человѣконенавистничества, органы гг. Сувориныхъ, Комаровыхъ, Грингутовъ и имъ подобныхъ, къ которымъ открыто присоединились всѣ губернскія вѣдомости, теперь *) въ одномъ страхѣ: какъ бы съ накрываемаго стола свободы не пошла кроха и тридцатипятимилліонному инородцу! И ночные хищники нашей реакціи завопили о сепаратизмѣ, объ узко-національныхъ эгоистическихъ задачахъ инородцевъ, подкапывающихся подъ благоденствіе Россіи. Больше всего, конечно, достается нашему шестимилліонному еврейству, которое-де неблагодарно благоденствуетъ въ изобиліи правъ, а нынѣ уже просто съ жиру бѣсится. Интересно бы взглянуть на эти права...

*) Строки эти впервые появились на столбцахъ „Сына Отечества“ 15 апр. 1905 г.

Дѣйствительно-ли столь узко-національны ихъ требованія?...

Невольно возстаетъ передъ нами приснопамятный 1891 г., годъ массоваго изгнанія евреевъ изъ Москвы. Тысячи русскихъ гражданъ, мужчинъ и женщинъ, стариковъ и дѣтей, ежедневно насильственной рукой вырывались изъ ихъ жилищъ и, разоренные, обезумѣвшіе отъ ужаса и обиды, усаживались въ поѣзда, увозившіе ихъ въ голодное изгнаніе. Не щадились прикованные къ постели больные, ни даже роженицы, которыхъ безжалостно стаскивали съ болѣзненного одра, и предавали въ руки полиціи. Единственная вина этихъ людей состояла въ томъ, что они не желали измѣнять вѣрѣ своихъ предковъ!

Одной изъ такихъ жертвъ безмысленнаго челоуконенавистничества удалось укрыться на время въ знакомой христіанской семьѣ. Преданная прислуга участвовала въ заговорѣ, иначе всемогущіе дворники не преминули бы донести на своихъ хозяевъ.

Старая няня, другъ дома, никакъ не могла понять причины происходившихъ жестокостей. „Можетъ ли это быть,—неизмѣнно твердила она—у нашего Царя-батюшки *всякая собака вольна жить, идѣ ей угодно, а они нешто хуже собакъ*, прости Господи!“

Вспоминается другой трагическій эпизодъ изъ той же эпопеи, скорбный разсказъ челоука, который вынужденъ былъ стать ренегатомъ, чтобы спасти отъ ужасовъ изгнанія свою больную жену,

только что разрѣшившуюся отъ бремени: „Я возвращался изъ полиціи, гдѣ услышалъ свой страшный приговоръ, не оставлявшій мнѣ выбора между смертью жены и необходимостью ренегатства. Въ тупомъ отчаяніи я бродилъ по улицамъ, не находя себѣ исхода. Люди, эти равнодушные люди уже не возмущали меня, но вдругъ я увидѣлъ бродячую собаку, благодушно проскользнувшую мимо меня, и мысль о собакѣ, имѣющей право жить невозбранно въ Москвѣ, Петербургѣ, вездѣ, вездѣ... какъ громомъ поразила меня, и я безумно разрыдался“...

Съ тѣхъ поръ, съ этого злополучнаго года, когда подъ аккомпаниментъ страшнаго голода, косившаго сотни тысячъ людей въ сердцѣ Россіи, пуще всего заботились о томъ, какъ бы очистить первопрестольную отъ „невѣрныхъ“, съ тѣхъ поръ ничего не измѣнилось. Наоборотъ, это было какъ бы лишь кровавымъ началомъ той медленной Варооломеевской ночи травли, гоненій, самаго беззастѣнчиваго произвола и насилія, которая непрерывно тянется до сихъ поръ. Кульминаціонные пункты еще такъ свѣжи въ нашей памяти: Кишиневъ, Гомель, Могилевъ, милостивое обѣщаніе Плеве „сотворить жизнь евреевъ невыносимой“ (какъ будто она до того была выносима), если отцы не выдадутъ своихъ сыновей-демократовъ“... А теперь, въ настоящую минуту, миллионы русскихъ гражданъ, именуемыхъ евреями, не ждуть развѣ со дня на день крова-

ваго продолженія дѣла открыто торжествующихъ нынѣ героевъ еврейскаго истребленія, имъ же нѣсть числа?...

Слова старой няни, оказавшейся не въ состояніи повѣрить въ то, чтобы люди могли быть безправнѣе собакъ,—лучшая формулировка той преступной трагедіи, которую почему-то называютъ еврейскимъ вопросомъ. Да, къ сожалѣнію, мало кто изъ не-евреевъ думаетъ и думалъ о томъ, и даже мало кто выполнѣ можетъ себѣ представить, что шесть миллионѣвъ русскихъ гражданъ лишены тѣхъ элементарныхъ правъ, которыми пользуется любое домашнее животное! Шутка сказать, шесть миллионѣвъ людей, несущихъ всѣ тяготы русскаго подданства, платящихъ налоги, умирающихъ на поляхъ битвъ, въ потѣ лица вносящихъ свой трудъ въ общую сумму богатства страны, заперты на всю жизнь въ переполненной и безвыходной клѣтѣ, именуемой чертой осѣдлости, гдѣ имъ другъ у друга приходится вырывать послѣдній кусокъ хлѣба изо рта, и не имѣютъ права ни на одинъ день переступить за ограду своей національной тюрьмы! Вся Сибирь, Кавказъ, Остзейскій край, вся центральная Россія и, наконецъ, всѣ сельскія мѣстности *внутри* черты изъяты для евреевъ подъ страхомъ уголовного наказанія. Да, даже Сибирь! Въ эту обѣтованную землю своего великаго отечества еврей можетъ попасть не иначе, какъ предварительно учинивъ тягчайшее уголовное преступленіе, вле-

кущее за собою, по крайней мѣрѣ, ссылку на поселеніе!..

Тѣ, которые незнакомы съ законодательствомъ и административной практикой о евреяхъ, могутъ подумать, что ограниченія въ правахъ передвиженія евреевъ есть простой архаизмъ, мало соблюдаемый и до сихъ поръ не отмѣненный только по обычной бюрократической небрежности. Но это, къ сожалѣнію, глубокое заблужденіе. По отношенію къ евреямъ не только бюрократія, но даже и высшія судебныя инстанціи проявляютъ творчество и изобрѣтательность, невѣдомыя ни въ какой другой отрасли государственной жизни.

Недавно еще всю печать обошли душу раздрающія описанія облавъ, устраиваемыхъ по ночамъ, въ Кіевѣ для изловленія безправныхъ евреевъ. „Обходы“ закона со стороны послѣднихъ доходили при этомъ до того, что люди заворачивали своихъ безправныхъ сестеръ и матерей въ саваны, въ надеждѣ спасти, такимъ образомъ, мнимыхъ покойниковъ отъ ужасовъ изгнанія. Въ исторіи человѣческихъ гоненій навсегда останется вписаннымъ кровавой строкой тотъ случай, когда дѣвушка въ саванѣ, обезумѣвшая отъ двойного ужаса, изъ мнимо-умершей обратилась въ дѣйствительную покойницу и, спасшись отъ полиціи, она навѣки спаслась, разъ навсегда, и отъ человѣческаго безчеловѣчія... Таково творчество бюрократіи въ соблюденіи законовъ о евреяхъ!..

Не менѣе рьяно дѣйствовали и дѣйствуютъ въ законодательной области.

Въ 1882 году Плеве удалось внушить и провести т. наз. временныя правила, изгнавшія сотни тысячъ евреевъ изъ селъ и деревень черты осѣдлости, и понынѣ, спустя почти четверть вѣка, мѣстная администрація и даже сенатъ, не покладая рукъ, въ потѣ лица работаютъ надъ тѣмъ, чтобы всячески придать этимъ „вѣчно-временнымъ правиламъ“ наиболѣе распространительное толкованіе.

Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ генераль Куропаткинъ издалъ циркуляръ, запрещающій евреямъ лѣзть на минеральныхъ водахъ Кавказа... Въ той самой Ялтѣ, гдѣ невозбранно процвѣтаетъ пресловутое сословіе проводниковъ, торгующихъ собственнымъ тѣломъ, еврей, умирающій отъ чахотки, не можетъ подъ страхомъ наказанія испустить духъ свой подъ цѣлительнымъ небомъ южнаго солнца!... За годъ до своей смерти Плеве провелъ законъ, запрещающій даже евреямъ „полноправнымъ“ право пріобрѣтать клочекъ земли, хотя бы подъ загородный домъ или дачу. Это—случайные образцы угнетательнаго творчества. Но вотъ примѣръ изъ примѣровъ! Намѣстникъ Примурскаго края—чрезвычайно деликатный человекъ. Когда ему въ свое время докладывали о японцахъ, дѣлающихъ съемки въ Маньчжуріи, онъ не находилъ возможнымъ вмѣшиваться въ это дѣло, ибо Маньчжурія—арендованная территорія,

истинный хозяинъ которой—Китай. Но въ то же время, когда дѣло коснулось возможнаго появленія въ краѣ евреевъ, онъ сразу забылъ объ истинномъ хозяинѣ страны и запретилъ всѣмъ евреямъ, кромѣ проституттокъ и одного любимца-подрядчика, селиться въ краѣ. Когда въ годъ холеры на Дальнемъ Востокѣ еврей-врачи, командированные въ Уссурійскій край, возвращались на родину, полиція ихъ въ Портъ-Артуръ не пустила и подъ конвоемъ выпроводила изъ города! Это по отношенію къ людямъ, относительно которыхъ даже законъ нашъ не знаетъ никакихъ ограниченій! Недаромъ еврей говорили: „Ну, теперь Маньчжурія уже *наша*, потому что евреямъ тамъ жить не дозволяется!“.

И послѣ этого на поляхъ той самой мачихи-земли, гдѣ японскіе шпионы имѣли всѣ преимущества передъ безправными русскими гражданами іудейскаго вѣроисповѣданія, эти послѣдніе положили 15 тысячъ жизней и столько же имѣютъ на своей шеѣ раненыхъ и увѣчныхъ! Невольно вспоминаются гуманные приказы главнокомандующаго о ротныхъ собакахъ и безпощадное глумленіе начальника тыла надъ евреями, даже врачами...

У юристовъ есть утѣшительная поговорка: *dura lex, sed lex!* Жестокъ законъ, но законъ! Еврей даже этимъ не могутъ утѣшаться. По отношенію къ нимъ одной жестокости закона мало: всякое законное ограниченіе усугубляется всевозможными кривотолкованіями, а всякое облегчительное постановленіе закона обставляется какъ

можно большимъ количествомъ ограниченій. Существуетъ, на примѣръ, ясный и опредѣленный законъ, что жена обязана жить при мужѣ, и право жительства мужа внѣ черты распространяется, слѣдовательно, на жену. Этотъ законъ столичная полиція умудрялась толковать до прошлаго года такъ, что дѣловая отлучка мужа изъ города хотя бы на 24 часа лишаетъ жену права жительства въ столицѣ!

И Плеве думалъ искупить кровавую баню Кишинева, отмѣнивъ въ законодательномъ порядкѣ эту практику, которая и безъ того была явно противозаконна!

Такъ называемые антисемитскіе органы печати любятъ попрекать евреевъ тѣмъ, что де ремесленникамъ не возбраняется выселяться и за черту еврейской осѣдлости. Если бы это было въ дѣйствительности даже такъ и въ полной мѣрѣ, то и это нисколько не умаляло бы всей жестокости глумленія, требующаго отъ гражданина специальныхъ аттестатовъ для пользованія голымъ правомъ, — дышать повсемѣстно божьимъ воздухомъ, правомъ, котораго лишаются всѣ другіе граждане только по суду за тяжчайшее преступленіе, правомъ, которымъ, повторяемъ слова старой няни, невозбранно пользуются собаки, кошки и всякія другія животныя, именуемые домашними.

Но въ дѣйствительности право ремесленниковъ на проживаніе внѣ черты обставлено столькими препонами и униженіями, что оно въ значитель-

ной мѣрѣ является простой фикціей и во всѣхъ случаяхъ грубѣйшимъ глумленіемъ надъ чловѣческимъ достоинствомъ и правомъ. Недостаточно еврею-ремесленнику, желающему поселиться внѣ черты, представить въ полицію аттестатъ о своемъ званіи. Нѣтъ, это значило бы оказать ему слишкомъ много довѣрія. Отъ него требуется еще новое переиспытаніе въ мѣстной ремесленной управѣ. Тутъ передъ нимъ двойная перспектива. Если при испытаніи онъ оказывается выдающимся мастеромъ, то управа можетъ не пожелать имѣть въ его лицѣ конкуррента, и тогда она признаетъ его фальсификаторомъ, „обходчикомъ“ закона; если же онъ мастеръ посредственный, то его заставляютъ уплатить приличную контрибуцію, что для переселенца-ремесленника вещь не очень доступная. Но вотъ контрибуція уплачена, мытарства, казалось бы, кончены, онъ легализировался. Но теперь только наступаетъ самая ужасная пора его существованія! Еженедѣльно будетъ являться околоточный провѣрять, дѣйствительно ли онъ занимается своимъ ремесломъ; въ переводѣ на простой языкъ это значитъ, что надо платить снова и на этотъ разъ регулярную контрибуцію. Стоитъ околоточному не получить, и выдвореніе готово! Но и при самыхъ мирныхъ отношеніяхъ терніи неизбѣжны. Достигъ его сынъ совершеннолѣтія, его выдворяютъ изъ столицы. Умеръ глава семьи, и не успѣли еще его безправное тѣло предать махихъ-землѣ, осиротѣвшей

семь его предлагают вернуться въ черту осѣдлости... Таково это милое право, и неудивительно, что ремесленники въ чертѣ предпочитаютъ умирать съ голоду, чѣмъ воспользоваться этимъ „собачьимъ“ правомъ.

Далѣе, антисемиты любятъ попрекать евреевъ правами лицъ, окончившихъ университетъ, которымъ де все доступно, включая даже государственную службу. Но эти господа, конечно, сами хорошо понимаютъ всю глубину лицемерія этого аргумента. Всѣмъ извѣстны такъ называемыя ограничительныя нормы относительно приема евреевъ въ учебныя заведенія. При этихъ нормахъ только немногимъ счастливымъ удастся кончить гимназію, а изъ нихъ только едва десятой части удастся поступить въ высшія учебныя заведенія. Но что ждетъ этихъ баловней судьбы? Если у кого-нибудь изъ нихъ есть чисто научныя наклонности, то, будь онъ самъ Ньютонъ, Вирховъ, Савиньи, ни одинъ университетъ не оставитъ его для приготовления къ профессорской кафедрѣ. Если онъ юристъ, онъ не имѣетъ права практики. Если онъ врачъ, то въ военное время его охотно пошлютъ на театръ военныхъ дѣйствій, а въ мирное время ни одинъ губернаторъ не утвердитъ его въ должности. Если ихъ принимаютъ на государственную службу, то только въ тѣхъ случаяхъ, при которыхъ и вора снимаютъ съ висѣлицы, т. е., когда другого выбора нѣтъ, напримѣръ, въ сѣверныхъ округахъ Тобольской губ., Закавказья и т. п.

милыхъ мѣстахъ, куда не еврей ни за что не поѣдетъ. Отдѣльные случаи „снисходительнаго“ приема евреевъ на службу такъ рѣдки и обставлены обыкновенно такими „исключительностями“, что о нихъ говорить нечего.

Таковы въ общихъ чертахъ элементарныя права евреевъ, оставляя уже въ сторонѣ болѣе высокія права, какъ участіе въ дѣлахъ самоуправления и т. д. Говоримъ—въ „общихъ“ чертахъ потому, что „безправія“ евреевъ столь многочисленны, что недавно сдѣлано было распоряженіе о кодифицированіи этихъ „безправій“, которыя такъ разрослись, что даже спеціальныя „отдѣлы“ губернаторскихъ канцелярій, вѣдающіе дѣла евреевъ, не въ состояніи правильно ориентироваться въ нихъ и—horribile dictu—считать, благодаря этому, рѣшаетъ иногда дѣла въ пользу евреевъ противъ кривотолковъ мѣстныхъ спеціалистовъ по еврейскому безправію! Слово нѣтъ, велико безправіе всего русскаго народа, еще болѣе велики „безправія“ тѣхъ 35 милліоновъ, которыхъ огульно именуютъ инородцами, но въ сравненіи съ евреями всѣ остальные, даже самыя угнетенныя народности, являются настоящей аристократіей. Армянинъ, полякъ, калмыкъ, татаринъ, угнетенные на своей родинѣ, имѣютъ еще нѣкоторый исходъ—переселеніе въ „русскія“ губерніи, гдѣ они являются полноправными гражданами. Здѣсь они имѣютъ неограниченное право не только дышать воздухомъ, но заниматься, чѣмъ имъ угодно.

Еврей лишенъ даже этого элементарнѣйшаго права. Въ лучшемъ случаѣ, если онъ даже всѣми правдами и неправдами удержался за чертой, онъ прикрѣпленъ къ своему „деху“. Если онъ купецъ, онъ не можетъ открыть мастерской, если онъ ремесленникъ, онъ не можетъ сдѣлаться землевладельцемъ или кунцомъ.

Таковы его права.

Но кромѣ такъ называемаго *законодательства* евреевъ, существуетъ еще нѣчто въ неизмѣримой степени худшее—это, такъ называемая, *политика* по отношенію къ евреямъ.

Эта *политика* много разъ мѣнялась, но всегда она неизмѣнно шла въ направленіи угнетательныхъ экспериментовъ. Ни разу, даже въ эпоху въ общемъ мягкаго для евреевъ режима царствованія Александра II, эта политика не становилась на ту единственную точку зрѣнія, что еврей—русскіе подданные. На гражданство они не могли претендовать, потому что его вообще въ Россіи еще никогда не было. Но какъ подданные, они естественно должны были пользоваться всѣми правами, присвоенными всякому русскому подданному. Никому не приходило въ голову лишать хотябы поляковъ, даже послѣ возстанія, права на передвиженіе, права хозяйственнаго самоопредѣленія и вообще продѣлывать спеціальныя опыты надъ ихъ элементарнѣйшими правами. Но по отношенію къ евреямъ это считалось неизмѣнно обязательнымъ...

Наиболѣе послѣдовательной политики держалась Елизавета, которая, выражаясь словами ея знаменитой резолюціи, „отъ враговъ Христовыхъ не желала никакой корысти“... При Николаѣ I еврей разсматривались, какъ нѣкіе дикари, которыхъ во что бы то ни стало необходимо было привести къ одному знаменателю. Для этого сажали въ участокъ женщинъ съ бритыми головами, на улицахъ ловили мужчинъ и стригли имъ волосы и пейсы, выдавали преміи выкрестамъ и доносчикамъ, освобождали отъ солдатчины колонистовъ и, наконецъ, по турецкому образцу, создавали иѣлые кадры православныхъ янычаръ изъ еврейскихъ дѣтей, которыхъ насильно вырывали изъ объятій матерей, увозили въ отдаленнѣйшія окраины, насильно обращали въ истинную вѣру и отдавали въ кантонисты... Въ либеральную эпоху Александра II исчезли наиболѣе жестокія формы николаевскаго времени. Евреямъ были предоставлены нѣкоторыя права, отчасти подъ влияніемъ либеральныхъ тенденцій, отчасти изъ политическихъ соображеній, для вящаго руссифицированія въ противовѣсъ окружающему ихъ польскому элементу, но *противогосударственный* взглядъ на евреевъ царилъ во всей своей силѣ: еврей разсматривались не какъ русскіе подданные, не какъ субъекты правъ и обязанностей, а съ точки зрѣнія ихъ якобы *полезности* для государства. Купецъ 1-ой гильдіи, лицо съ университетскимъ дипломомъ, еще, пожалуй, человѣкъ, имѣющій реме-

сленный аттестатъ,—считались элементомъ терпимымъ; но еврей *вообще*, еврей безъ дипломовъ, гильдейскихъ и ремесленныхъ свидѣтельствъ—считался элементомъ подозрительнымъ и подлежалъ только великодушію начальства.

Но все же да будетъ помянута добромъ и признательностью эта мимолетная эпоха, когда, благодаря временному просвѣту, еврейская интеллигенція приобщилась къ общимъ идеаламъ, и этимъ положено было начало пробужденію и обширной массы еврейства къ правовому и социальному самосознанію!...

Въ реакціонную эпоху, воцарившуюся съ 1881 г., даже такое отношеніе къ евреямъ оказалось чудовищно-либеральнымъ.

Евреи просто-на-просто были объявлены *врагами народа*. Ужасъ этой формулы не столько въ ея содержаніи, сколько въ мотивахъ, ее создавшихъ. Каково бы ни было отношеніе къ евреямъ въ предыдущіе періоды, но оно имѣло нѣкоторое оправданіе въ искренности. Невѣжество, атавизмъ средневѣковья, тенденции просвѣщеннаго деспотизма—были во всякомъ случаѣ искренни.

Но то, чѣмъ руководились въ послѣдующую эпоху, было сплошное смѣшеніе лицемѣрія и злобы. Это—любопытная страница бюрократической психологіи не только съ точки зрѣнія еврейскаго вопроса!

Великая вина еврейскаго народа въ глазахъ дѣлателей ихъ судьбы заключалась въ томъ, что

въ оппозиціонномъ движеніи того времени—*hoggi-bile dictu*—оказались замѣшанными и евреи. „Какъ,—негодовали они,—тѣ самые длиннополые, которыхъ мы изъ милости пустили въ гимназіи и университеты, и которые по гробъ жизни должны, руки и ноги намъ цѣловать за это, обнаглѣли настолько, что позволяютъ себѣ съ открытымъ забраломъ писать либеральныя статьи въ газетахъ и журналахъ, носить красныя рубашки, ходить въ народъ и требовать свободы и социальной справедливости? Пусть только небольшой процентъ евреевъ повиненъ въ этой измѣннической наглости, но за нее должны понести кару—всѣ, отцы и матери, братья и сестры, все что родственно и близко этому змѣиному отродью! Вы обнаглѣли отъ образованія, мы закроемъ вамъ всѣ доступы къ нему! Вы залѣзли въ литературу, мы на васъ выпустимъ цѣлую свору Сувориныхъ, Комаровыхъ, Шульгиныхъ, Юзефовичей, Крушевановъ. Мы отравимъ ядомъ ненависти къ вамъ всю нашу массу, которая еще не научилась отличать правды отъ лжи. И если вамъ этого мало, мы вамъ устроимъ погромы! Мы объявимъ васъ кровопійцами, эксплоататорами, развратителями, врагами царя и народа, напьемъ провокаторовъ, дворниковъ, полицейскихъ, изгонимъ васъ изъ селъ и деревень и устроимъ вамъ кровавыя потасовки въ городахъ!... Это называлось тогда „народнической“ политикой! Тѣ самые, которые замыслили вернуть времена крѣпостного права и от-

дать все крестьянство въ руки помѣщиковъ, являлись демагогами, когда дѣло касалось евреевъ. Имѣлось тутъ, впрочемъ, въ виду убить при этомъ еще и другого зайца. Напуганные небывалымъ движеніемъ творцы судебъ русскаго государства находили полезнымъ не только дать благотѣтельный урокъ „зазнавшимся“ евреямъ, но и открыть исходъ народному возбужденію, отвлекая его отъ „истиннаго врага“ на первую брошенную имъ жертву. Это испытанный методъ, которымъ еще въ средніе вѣка мудро пользовались свѣтскіе и духовные владыки, когда въ моменты народныхъ бѣдствій требовалось дать удовлетвореніе народному гнѣву. „Вотъ виновники всѣхъ бѣдъ,—говорили они, указывая на евреевъ,—это они, которые Христа распяли, теперь отравляютъ колодцы и приносятъ вамъ чуму, голодъ, моровую язву!“ Наивные, темные люди вѣрили этой чудовищной лжи, и лились рѣки крови...

Казалось, что первый опытъ погромовъ, вызвавшій негодованіе всего міра, долженъ былъ раз навсегда убѣдить въ нецѣлесообразности его. На время, дѣйствительно, его оставили, ограничиваясь массовыми изгнаніями изъ Москвы, Ялты и всякихъ другихъ городовъ внѣ черты и цѣлымъ рядомъ новыхъ и новыхъ стѣсненій. Но увы, кровавому опыту суждено было повториться въ еще болѣе ужасающихъ размѣрахъ... Великій чудотворецъ, всемогущее время совершило чудо. Безправная, забитая, полуумирающая съ голоду много-мил-

ліонная еврейская масса, вопреки всему, вопреки всѣмъ стихіямъ, проснулась! Великое чувство свободы, могучее сознаніе своего права на счастье и человѣческое достоинство какъ электрическимъ токомъ охватило ее отъ края до края.

Та культурная сила, которая до того втеченіе тысячелѣтій исключительно направлялась въ сторону религіознаго самосохраненія, обратилась въ плодотворную почву для идеи человѣческой солидарности и соціальной справедливости. И сила эта заговорила. Никакіе запреты и ограниченія не могли остановить ее. Тогда... взяли за старое средство—погромы.

Не останавливались ни передъ чѣмъ, чтобы навести паническій ужасъ на массу. Всѣ фиговые листья были сброшены. „Выдавайте демократовъ,—говорили Колоколовы,—и не будетъ погромовъ; не пожелаете,—вырѣжемъ всѣхъ“.

Тѣмъ же языкомъ утѣшалъ Плеве еврейскую депутацію гор. Кишинева: „Если не уймете демократовъ, я сдѣлаю жизнь вашу невыносимой!“ Такова была любовь его къ „метафорамъ“. Увы, „метаформы“ его сбылись далеко не метафорически: за Кишиневымъ послѣдовалъ Гомель, Могилевъ, Николаевъ и т. д., и т. д.

И въ настоящую минуту тѣ темныя силы, которые мобилизованы для усмиренія интеллигенціи, во главу угла громко выставляютъ евреевъ, какъ самыхъ главныхъ виновниковъ всѣхъ бѣдствій,

постигшихъ Россію. И кто знаетъ, быть можетъ, не пройдетъ нѣсколькихъ дней, какъ невинная кровь еврейскаго народа потоками будетъ литься по городамъ и весямъ несчастной черты... *)

Но есть великое утѣшеніе! Одиночество еврейское кончилось. Величайшій ужасъ положенія до самаго послѣдняго времени лежалъ въ сознаниі, что горе еврейское еще не раздѣляется въ широкихъ кругахъ русскаго народа. Казалось, что ядъ антисемитизма, столь щедро разносившійся Суворинными, Комаровыми и Комп., находившій себѣ столь благодатную поддержку среди атмосферы молчанія и произвола, отравилъ даже наиболѣе здоровые элементы. Какимъ ужаснымъ ударомъ было, что ни одинъ городъ, ни одно земство въ Россіи не откликнулось на ужасы Кишинева и Гомеля!

Теперь завѣса открылась! То, что было *еврейскимъ* горемъ, стало *общимъ* горемъ. То, что не было понято въ Кишиневѣ, теперь раскрылось на улицахъ Курска, Тамбова, Нижняго, Баку.

Вопль свободы и права сталъ общимъ, и нѣсть нынѣ ни эллина, ни іудея, и многострадальная еврейская масса и интеллигенція, столь долго и

*) Увы, предсказаніе сбылось слишкомъ скоро: ровно черезъ восемь дней послѣ появленія этихъ строкъ въ печати разыгрался кровавый погромъ въ Житомирѣ, за которымъ послѣдовалъ цѣлый рядъ погромовъ во всей чертѣ.

страстно протягивавшія свои братскія руки всемъ народамъ Россіи, нынѣ съ безграничной вѣрой и энтузіазмомъ протягиваютъ ихъ на горе и радости, на жизнь и смерть. Въ этомъ союзѣ и только въ немъ *все* народы Россіи обрѣтутъ, наконецъ, свое право... Таковы инородческія *узко-національныя* чаянія!

Р. С. Около трехъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ эти строки появились въ печати... Трагедія шестимилліоннаго народа стала еще ужаснѣе...

Октябрьская рѣзня, Бѣлостокъ, Сѣдлецъ, годами громимая Одесса, Герценштейнъ и Іоллосъ — легальный всероссійскій союзъ погромщиковъ — вотъ символы и вѣхи послѣдняго трехлѣтія и ближайшаго, быть можетъ, будущаго. Тысячи убитыхъ, сотни тысячъ погромленныхъ, полмилліона бѣжавшихъ за океанъ — таковъ реальный балансъ этого безпримѣрнаго трехлѣтія нашей вѣковой трагедіи...

Должно-ли отчаяваться? Но отчаяніе никогда никого и ни отъ чего не спасало! Наоборотъ, болѣе, чѣмъ когда-либо, нашему народу необходимо мужество. И это мужество мы станемъ черпать изъ нашего стараго источника, изъ нашей старой вѣры въ конечное торжество права и справедливости! Мы остаемся вѣрны лозунгу, принятому нами три года тому назадъ, въ періодъ общаго подъема и

просвѣтлѣнія. И теперь, какъ и тогда, мы
вѣримъ, что въ союзѣ со всѣми народами
Россіи, въ союзѣ съ лучшими элементами
нашей общей родины, и многострадальное русское
еврейство обрѣтетъ, наконецъ, свое вѣками по-
пиравшееся право! День *общаго* торжества права
будетъ днемъ и *нашего* торжества!

Цѣна 20 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
С.-Петербургъ,
Озерной цер., домъ 10, кв. 10.